

А.В. ОЧКИНА

## Социальные механизмы воспроизводства культурного капитала семей в провинциальном российском городе\*

Процесс воспроизводства культурного капитала семей<sup>1</sup> представляет собой сложное диалектическое взаимодействие социальных институтов и индивидуальных решений, принимаемых людьми в конкретных обстоятельствах. Институты социальной инфраструктуры существенно влияют на процессы формирования и воспроизводства культурного капитала. Ориентируясь на них, семьи выстраивают свои стратегии в культурно-образовательной сфере. Однако об абсолютном диктате конкретных, строго зафиксированных во времени, обстоятельств говорить вряд ли можно. Каждый индивид обладает определенной степенью свободы, обусловленной теми социально-культурными ресурсами, которые он получил в семье.

Вспомним работы П. Бурдьё 1970 г., в которых, развивая воспроизводственный подход в социологии, он показал, что родители с высоким уровнем образования не просто содействуют (финансово или через систему социальных связей) получению их детьми более качественного образования и более успешному началу карьеры, но и создают особую культурную среду, способствующую самостоятельному развитию и успешной деятельности детей [Бурдьё, 2007]. Последнее соображение особенно ценно для российской ситуации. Рыночные преобразования, начавшиеся в 1990-е гг., способствовали перестройке социальной структуры, в которой вплоть до настоящего момента наблюдается декомпозиция статусов, выражающаяся в противоречии образовательного и профессионального статусов индивида с его экономическим статусом. Такая декомпозиция неизбежно приводит к противоречиям в социальном поведении, вынуждая индивидов, с одной стороны, приспосабливаться к рыночным условиям,

---

\* Исследование выполнено под научным руководством О. Шкаратана при поддержке Научного фонда Государственного университета – Высшей школы экономики (грант № 08-01-0075 “Культурная преемственность в семье как фактор накопления и эффективности реализации образовательных капиталов. К вопросу о динамизации развития человеческого потенциала в современной России”).

<sup>1</sup> Под культурным капиталом семьи я понимаю совокупность знаний, ценностных установок, культурных традиций и социальных связей, характерных для данной семьи и предоставляемых детям как базис их обучения и профессиональной карьеры. Под социальным механизмом воспроизводства культурного капитала семей – устойчивую структуру взаимодействий между представителями разных поколений в семье по поводу форм культурного развития и социальной мобильности каждого последующего поколения. Таким образом, в понятие социального механизма воспроизводства культурного капитала семьи включается вся совокупность коммуникаций между родителями и детьми (и другими родственникам), которые могут осуществляться как непосредственно – воспитание, совместный досуг, обмен опытом, советы и т.д., так и опосредоваться различными институтами: системой образования, учреждениями культуры и т.д. (см., например, [Беккер, 2003; Патнэм, 1995; Соколова, 2000; Шкаратан, Инясевский, Любимова, 2008; Шкаратан, Ястребов, 2007]).

а с другой – сохранять прежний образ жизни, культурные и профессиональные традиции как индикаторы прежнего статуса [Очкина, 2006].

Внешне (и статистически, как массовое поведение) такое противоречие выразилось в непропорциональном по отношению к “съездившейся” в 1990-е гг. экономике росте системы высшего образования. Тенденции перепроизводства специалистов, особенно гуманитариев, наметившиеся с середины 1960-х гг. в СССР, в новой России развились и усилились в самые “голодные” годы (1992–1995), в провинции же они были доведены до абсурда. При очевидном исчезновении объективных стимулов развития системы высшего образования (какими могли бы стать, например, рост и модернизация экономики, соответствующая политика государства) доминировали субъективные факторы – устойчивая мотивация населения на получение высшего образования [Очкина, 2007].

Сегодня для России актуален поиск модели инновационного развития, позволяющей преодолеть ресурсную зависимость и подчиненное положение в мировой экономической системе. Такое развитие требует создания и эффективного использования человеческого капитала. Поэтому сегодня как никогда актуален вопрос: насколько устойчивая мотивация населения к получению высшего образования является нагрузкой на экономику, а насколько – потенциалом для инновационного прорыва? Насколько эта мотивация подверглась за последние 20 лет искажениям в условиях институционального вакуума для *реализации* человеческого капитала, и насколько мы вообще можем говорить о *создании* такого капитала в существующей образовательно-культурной среде? И наконец, насколько мы можем говорить о воспроизводстве культурного капитала в условиях динамичных и глубоких социальных трансформаций, а если можем – то каковы механизмы такого воспроизводства.

Вопрос об искажениях мотивации получения высшего образования крайне актуален сегодня, и наиболее адекватным представляется рассмотрение этого явления в контексте институциональных изменений в системе российского образования [Артамонова, Богословская, Латов, 2006]. Однако институциональный подход, так же как и количественные методы, не позволяет выявить всех тонкостей принятия решения, в котором социокультурные нормы, ценности, ситуационные соображения вступают во взаимодействия с конкретными социально-экономическими обстоятельствами и институтами. Такое решение принимают чаще всего в семье или, по крайней мере, руководствуясь семейными традициями, образцами, идеалами и надеждами. Именно поэтому я обратилась к детальному анализу семейных историй, чтобы продемонстрировать коммуникации между поколениями, которые и являются существенными механизмами воспроизводства культурного капитала.

Исследование проводилось в сентябре 2008–январе 2009 г. в Пензе. Его цель – выявить, каким образом культурные традиции семьи позволяют различным поколениям создавать и накапливать культурный и образовательный капитал. В качестве методологии исследования выбран прилинейный подход, в [Берто, 1997; Берто, Берто-Вьям, 1992]. Вслед за ним я положила в основу методологии историю семей – очень перспективный метод, который позволяет, на мой взгляд, использовать все возможности качественного анализа. Были, однако, внесены коррективы и в подход Д. Берто, адекватные, во-первых, цели настоящего исследования, а во-вторых, созвучные социально-исторической ситуации в России.

Берто предлагает метод сравнительного анализа, при котором он изучает истории семей, объединенных некоторым общим признаком. Для него это – социальное положение бабушек и дедушек. Однако особенности процессов в российском обществе, их динамизм и глубина социальных трансформаций, делают этот признак практически бесполезным с точки зрения целей данного исследования. Поэтому первым объединительным признаком при отборе респондентов стало высшее образование. Этот выбор связан с предположением, что в том временном пространстве, которое мы хотим захватить в интервью, именно высшее образование было решающим фактором перелома статуса.

Еще одним показателем, объединяющим респондентов, стал возраст – от 41 до 55 лет. Это возраст активной карьеры, когда люди имели, с одной стороны, степени свободы в 1990-х гг., возможности смены профессии, открытия собственного дела, а могли и потерять все преимущества, полученные с высшим образованием. С другой стороны, респонденты этой возрастной группы в массе своей получили образование в Советском Союзе, поэтому в их социально-профессиональных ориентациях инерция советского опыта сохранялась и в начале 1990-х гг., да и профессиональная карьера развивалась или начиналась еще в советских социально-экономических условиях. Иными словами, представители этой возрастной группы были поставлены историческими условиями последних десятилетий в такую ситуацию, в которой их социальный опыт и статус, жизненные ценности и ориентиры, знания, умения, уровень культуры имели такой же (или, по крайней мере, сопоставимый) вес для принятия решения, как и внешние обстоятельства.

В работе использовались методы полуформализованных интервью, методические подходы, применяемые при качественных исследованиях [Качественные... 2009]. Всего было проведено 50 интервью. Их структурированность и относительно большое количество респондентов позволили проследить несколько моментов, связанных с механизмами культурной преемственности в семьях, с ролью образования, с содержанием культурного капитала и методами его накопления, реализации и воспроизводства в контексте формирования новых социально-экономических условий.

### **Истории социальной мобильности семей**

Рассмотрим некоторые истории развития культурного капитала, социальной мобильности семей, показавшиеся мне наиболее выразительными, отразившими ярко и выпукло суть процессов, происходящих в нашей стране на протяжении почти 100 лет. Начать хотелось бы с очень по-человечески интересного случая увлечения профессией в подростковом возрасте, которое сформировало образ жизни и мировоззрение, сохранившиеся практически не тронутыми в период социальных потрясений и перемен последних лет.

Речь идет об учителе географии *Н*. Его бабушки и дедушки с обеих сторон были крестьянами, отец отца промышлял резьбой по дереву, мать – шитьем. Несмотря на бедность обеих семей, *Н* причисляет их к среднему классу, хоть и нижнему. Аргументировал он свой ответ тем, что бабушки и дедушки умели читать и писать, в доме были книги, хоть и немного, отец с детства был обучен ремеслу – резьбе по дереву. Его сестры шили вместе с матерью. Про семью матери меньше сведений, но сохранились семейная Библия, истории о том, что дедушка возил бабушку в город в синематограф. *“Они были грамотными и по-своему культурными людьми, – говорил *Н*, – поэтому я не причисляю их к низам”*.

Отец *Н* родился в 1929 г., в селе Бессоновка Пензенской области, там же окончил школу, другого образования не получил. Всю жизнь работал рабочим на водокачке, так как других занятий ему в селе не нашлось. Дополнительный доход в семью приносило ремесло, перешедшее от отца: резьба по дереву. Интересно заметить, что *Н*, с одной стороны, объясняет скромные профессиональные достижения отца социально-экономической ситуацией в стране и говорит о скудных возможностях трудоустройства на селе, с другой – в качестве причины называет недостаток образования. Мать *Н* была инвалидом, не работала, занималась домом. Благополучие своей семьи на момент окончания им средней школы *Н* оценивает как чуть ниже среднего, их семье приходилось экономить, но основные потребности, как он отметил, удовлетворялись на общепринятом уровне. Иллюстрируя стесненность семьи в средствах, *Н* отмечает, что они дольше других сельчан не могли приобрести телевизор.

В школе *Н* увлекся футболом, родители не возражали, но и не поощряли этого занятия. К чтению, по его признанию, он приобщился самостоятельно, под влиянием одноклассника и учительницы литературы. Увлечение спортом и чтением сохрани-

лось до настоящего времени. Но особенное влияние на *N* оказал учитель географии, который не просто пробудил интерес к предмету, но и оказал решающее влияние на выбор профессии. В семье, по признанию *N*, не было принято посещать театры, музеи, путешествовать. Как он поясняет, на путешествия не было средств, как и на поездки в город в театры и музеи. Да и привычки такой не было: родителям это было не интересно. В семье *N* пристрастился к рыбалке, это увлечение осталось на всю жизнь.

Уже в университете *N* увлекся спортивным туризмом, которому и сейчас посвящает большую часть своего свободного времени. На соответствующее снаряжение средств он никогда не жалел, да и сейчас находит их в более чем скромном семейном бюджете. Садоводство и огородничество, к которому его старательно приучали в семье, увлечением, по заверению *N*, не стало: он занимается этим несколько раз в год в хозяйстве родителей. По его признанию, это не только помощь пожилым родителям, но и возможность использовать урожай для улучшения рациона собственной семьи.

В педагогический институт Пензы (с 1994 г. – педагогический университет) *N* поступил, отслужив в армии и имея почти два года трудового стажа. Он не был уверен в своих силах, но упорно готовился и поступил. Родители, по признанию *N*, никак не влияли на его выбор, не помогали во время учебы, он жил в общежитии, на стипендию, иногда подрабатывал. Единственный вклад семьи в его карьеру заключается в том, что двоюродный брат отца помог ему устроиться на первое место работы, в школу, где, по словам *N*, имел связи. Тем не менее *N* признает, что его мировоззрение формировалось под влиянием отца.

Работой своей *N* очень доволен, любит свою профессию, много свободного времени посвящает чтению научно-популярной литературы, поиску нового, интересного материала, ведет в школе географический кружок и секцию спортивного ориентирования. Периодически он посещает курсы повышения квалификации, занимается самообразованием. По его словам, он никогда не думал о смене места работы и профессии, не видит себя ни в какой другой деятельности, хотя его работа отнимает много сил и плохо оплачивается: *“Я не смог бы работать кем-то другим, хотя и не пробовал”*.

Он признает, что зарабатывает мало, но его это не угнетает, он доволен своей жизнью. Жена *N* закончила тот же естественно-географический факультет педагогического института, но еще в 1980-е гг. ушла из школы на завод, от которого впоследствии получила двухкомнатную квартиру. Интересно заметить, что и сам *N*, и его жена считают, что она потеряла в статусе, в качестве профессии. *“Очень хотелось квартиру получить”*, – объясняет жена *N* свой выбор. В ее тоне звучат оправдательные нотки.

Семья *N* имеет очень небольшой среднедушевой доход – 4500 рублей в месяц. Тем не менее у них есть компьютер, цветной телевизор, набор бытовой техники, правда, по признанию *N*, устаревший. Из платных услуг семья пользуется только платным медицинским обслуживанием. *N* признает, что семья экономит на питании и одежде, не тратится на путешествия и развлечения. Однако книги и фильмы, особенно необходимые для работы, он покупает несколько раз в год; сын, живущий с родителями и финансово несамостоятельный, обеспечен всем необходимым для учебы.

Оценивая социальный статус своей семьи, *N* признал, что она относится к нижнему слою среднего класса, если ориентироваться на уровень материальной обеспеченности. Однако отметил, что если оценивать социальный статус семьи, исходя из уровня образования его и супруги, то можно определить его как средний. Отмечу, что этот вопрос вызвал у *N* – человека, несомненно, образованного, склонного к самостоятельным размышлениям, начитанного и знающего, явное затруднение. Он довольно долго пытался сформулировать свой ответ и, наконец, признал, что его статус, пожалуй, противоречив, а критерии ему самому не очевидны.

Несмотря на то, что родители никак не влияли на его познавательную и профессиональную деятельность, *N* признал, что до сих пор прислушивается к их мнению, помогает им, проводит с ними праздничные и выходные дни. Интересно, что, говоря о равнодушии родителей к его профессиональному выбору, о неучастии в его учебных

и профессиональных делах, *N* отмечает все же большой вклад семьи в свое воспитание: *“Меня с детства приучили к труду и самостоятельности”*.

Сын *N* учится в том же педагогическом вузе, где учились сам *N* и его жена, только на другом факультете. Профессию сын даже не выбирал, с детства перед ним был пример отца, но специальность он выбрал самостоятельно. *N* отмечает, что способности сына тщательно развивались в семье, дополнительные занятия поощрялись и по мере сил оплачивались родителями. Сын вместе с отцом занимался самодеятельностью, спортивным ориентированием. Увлечения эти сохранились до сих пор. Несмотря на то, что сын выбрал другую специальность, *N* считает, что он в определенной степени пошел по стопам родителей: *“Хочет быть учителем, а не журналистом или менеджером, как все сейчас хотят. Увлечен делом, литературой, играет в команде КВН университета. Активный, увлеченный. Конечно, преемственность в семье есть, и большая. Преемственность в мыслях, в восприятии жизни – это самое главное, профессия – второстепенное. Все равно он как бы мое дело продолжает. Во всех моих походах участвует, помогает в кружке”*.

Случай *N* интересен тем, что признание своей бедности не влечет за собой низкую оценку жизненных достижений. Между тем *N* 50 лет; в этом возрасте люди подводят хотя бы первые итоги своей жизни. Общая оценка своей ситуации у *N* положительная, он любит свою работу, поглощен своим делом, высоко оценивает отношения в своей семье и считает свою жизнь очень удачной. Высшее образование, по его мнению, необходимо сыну прежде всего для того, чтобы сделать жизнь полной и интересной.

Совсем иначе выглядит история продавца *M*. Ее происхождение схоже с происхождением *N* с той разницей, что семья отца была зажиточной, но и дедушка, и бабушка были неграмотные. На этом основании *M* причисляет родительскую семью своего отца к нижнему среднему классу, поясняя, что *“до среднего они не дотягивали, хотя имели скотину, большой дом с мебелью. Неграмотные были, книг в доме не держали, хотя иконы, конечно, были”*.

Семья матери была намного беднее, *M* причисляет ее к нижнему слою общества и тут же добавляет: *“Они были бедны, шестеро детей, причем пять дочерей, так что к средним слоям никак не относились. Но совсем низами не были, умели читать, в доме было несколько книг, дед привозил из города журналы, читали всей семьей”*. Подумав и поколебавшись, *M* причислила родителей матери к нижнему среднему классу.

Отец *M* работал в колхозе трактористом, окончив соответствующие курсы, мать – тоже в колхозе: и дояркой, и птичницей, и разнорабочей. *M* считает, что родители не добились в жизни никакого успеха и объясняет это тем, что они не получили вовремя образования. Семья жила очень экономно, зарплаты родителей едва хватало, в семье росли трое детей. *M* относит свою семью к нижнему слою среднего класса и отмечает, что *“никогда ничем не баловали себя”*.

По признанию *M*, ее мировоззрение формировалось в основном, в семье. Родители следили за ее успеваемостью в школе, поощряли занятия в кружке легкой атлетики и кройки и шитья: *“Хотели, чтобы я занималась чем-то полезным, отговорили от рисования, считали, что нужно укреплять здоровье и получать ремесло. Оказались они, в общем, правы, шитье мое нас очень в 90-е выручало”*.

В семье родителей с почтением относились к книгам и, несмотря на скудный бюджет, довольно регулярно их покупали. Чтение художественной и научно-популярной литературы до сих пор любимая форма досуга *M*. Они с мужем собрали неплохую библиотеку, которую и сейчас пополняют, правда, редко: не хватает средств. Посещение театров, музеев, кинотеатров, путешествие и коллекционирование не принято в семье *M* так же, как и в семье ее родителей: *“Ни времени никогда не было, ни средств”*. Любовь к садоводству и огородничеству или, по формулировке самой *M*, “к земле”, у нее осталась до сих пор. Правда, она замечает, что это еще и способ “сводить концы с концами”, ведь примерно треть продуктов, которые семья потребляет, выращены самостоятельно.

Как можно заметить, в этой части история *М* не слишком отличается от предыдущей. Далее, однако, начинаются существенные отличия. Так же, как и *Н*, *М* окончила среднюю школу в родном селе. Ее ученическая судьба, однако, складывалась иначе, чем у *Н*. Прежде всего *М* признает, что никаким школьным предметом всерьез не увлеклась. Читать любила, но по литературе были твердые “четверки”, анализ – не ее сильная сторона. Остальные предметы также осваивала в объеме школьной программы, в основном на “хорошо”. К окончанию школы ясных планов и представлений о том, чем заняться, какой профессии себя посвятить, у нее не было. Родители очень хотели, чтобы их дети получили высшее образование, *“так как они, простые рабочие... хотели для нас лучшей жизни”*. По словам *М*, ее родители верили в ее способности и очень хотели, чтобы она избежала тяжелого физического труда, *“работала б на чистенькой работе с уважением”*.

По окончании школы *М* поступила в Пензенский политехнический институт (ныне – Пензенский государственный университет). Выбор она свой обосновывает просто: *“модно было учиться на инженера”*. Кроме того, в этот вуз поступали большинство друзей *М*, да и способности позволяли ей осваивать техническую специальность: математику она все-таки любила больше других предметов, а физик в школе был очень хороший, *“на всю область славился”*. *М* считала, что высшее образование обеспечит ей достойный социальный статус и материальное благосостояние. Родители никак не могли помочь ей при поступлении и в учебе, но оплачивали ее содержание все пять лет обучения.

По окончании вуза *М* устроилась по совету подруги матери на завод инженером. Работу она свою оценивает как хорошую: *“зарплата приличная, коллектив хороший, работа нетрудная, рабочий день нормированный”*. Увлечена своей работой, по ее словам, она не была, но ходила на завод с удовольствием. Кроме того, завод ей предоставил квартиру, она регулярно получала премии и продуктовые заказы, что было немаловажным добавлением к заработной плате во времена дефицита.

Роль высшего образования в своей жизни *М* оценивает двояко. Она признает, что оно позволило ей получить хорошую работу, но добавляет тут же, что со временем ее диплом *“превратился в бесполезную корочку”*. В 2001 г. *М* была уволена по сокращению в связи с банкротством завода, получать новую квалификацию или другое образование не захотела, устроилась продавцом на рынок, потом в магазин, где и работает до сих пор. По ее словам, эта работа позволяет ей кое-как существовать, хотя отнимает много сил и времени. Интересы к работе, честолюбивых планов хотя бы в рамках этой деятельности, у *М* нет.

Среднедушевой доход семьи *М* – 6 тыс. рублей в месяц, семья проживает в трехкомнатной квартире, доставшейся *М* от завода, имеет компьютер, цифровой фотоаппарат, набор бытовой техники, никакими платными услугами не пользуется. Ориентируясь на уровень материальной обеспеченности, *М* причисляет свою семью к нижнему среднему классу. Остальные критерии – уровень образования, образ жизни, уважение окружающих и т.д., по ее словам, несущественны. *“Какая честь, когда нечего есть”*, – печально вспоминает она известную поговорку.

В развитии своих троих детей *М* с мужем полагались на систему образования, но тем не менее расширяли их кругозор, готовили к самостоятельной жизни, во всем поддерживали, не жалели средств, несмотря на скромный бюджет. Отношения с детьми *М* характеризует как хорошие. Старший сын получил высшее образование в Пензенском государственном университете по специальности “информатика в экономике”, младшие сыновья окончили железнодорожный техникум. Сыновья работают, но по-прежнему финансово несамостоятельны, живут с родителями.

*М* очень подавлена, оценивает свою жизнь как не сложившуюся, несостоявшуюся, работу – как неинтересную и изматывающую. При этом она не считает, что получала высшее образование напрасно: *“У меня была хорошая работа, жизнь была налажена, просто все изменилось в экономике, а я не смогла приспособиться. Моя специальность оказалась не нужна”*. При этом она замечает, что после увольнения ей предлагали ра-

боту на другом заводе, но “заработная плата по тем временам уже была нищенская, смысла не было”.

Материальное положение семьи *М* не отличается от материального положения семьи *Н*, среднемесячный доход на одного члена семьи у *М* даже немного выше. Тем не менее социальная самооценка у *М* намного ниже. Придя к такому же материальному результату (а *М* ровесница *Н*), она, в отличие от него, разочарована, не видит перспектив, признается, что “тянет жизнь как лямку, работа очень тяжелая, все время выкручиваться с деньгами приходится”. Разумеется, при сравнении двух судеб нельзя не учитывать индивидуальные свойства, характер, мировоззрение, личные обстоятельства и т.д. Однако обратим внимание на то, что при всем сходстве жизненного пути *Н* и *М* есть и существенное отличие: *Н* с детства увлекался будущей профессией, а *М* выбрала профессию практически случайно.

И *Н*, и *М* получили самые востребованные в их время профессии, воспользовались высшим образованием как каналом социальной мобильности, оба столкнулись с обесцениением своего труда в 1990-е гг. Вспомним, что *М* все-таки предлагали работу по специальности после увольнения, но она не согласилась на нее из-за низкой заработной платы. А вот *Н* работал на огороде родителей, держал поле под картошку, подрабатывал таксистом, но на работе остался, хотя заработную плату учителям не платили месяцами, да и была она очень невысока.

И *Н*, и *М* ориентируют своих детей на получение образования, признают его преимущества. Однако единственный сохранившийся элемент культурного капитала семьи *М* – признание ценности образования и готовность способствовать повышению образования детей. Но такое признание соседствует с формальным подходом к понятию “образованность”, с отсутствием реальной культурной и профессиональной преемственности в семье.

Можно задать вопрос: насколько профессиональные знания, умения и профессионализм *Н* являются *капиталом*? Он не смог конвертировать свой профессионализм в относительно высокий экономический статус. Тем не менее *Н* превзошел в совокупном статусе (по его словам, и по объективным критериям качества жизни) своих родителей, обеспечил сына высокой профессиональной мотивацией, знаниями, умениями, развил его коммуникативные способности. Кроме того, профессионализм *Н*, тщательно им развиваемый, берегаемый и переданный, хотя бы частично, сыну – безусловно, человеческий капитал общества в целом.

Предыстория предпринимателя *С* опять-таки напоминает две предыдущие. Родители и отца, и матери были крестьянами, неграмотными, хотя и не бедными. Опять-таки та же характерная деталь: *С* относит родительские семьи и отца, и матери к нижнему слою, объясняя это тем, что они были “темными, необразованными, отец матери грамоту знал, но книг сроду не читал”. *С* вырос в селе, где и окончил среднюю школу. Отец работал в ремонтной мастерской, мать – в столовой школы. *С* считает, что профессиональный путь родителей был вполне успешным, потому что “работа им нравилась, в селе их уважали”. Благосостояние семьи своих родителей на момент окончания им средней школы он, однако, оценивает скромно: “К среднему классу нас отнести было никак нельзя, жили ниже среднего”.

Мировоззрение *С*, по его признанию, формировалось в семье, родители следили за его успехами в школе, поощряли занятия спортом, увлечение которым осталось на всю жизнь. Вместе с родителями он работал в подсобном хозяйстве, ездил на рыбалку. Читал мало и с неохотой. Сегодня предпочтения *С* относительно проведения досуга изменились. Он не занимается ни садом, ни огородом, вместо рыбалки увлекается спортивным туризмом. Уровень благосостояния позволяет путешествовать с семьей несколько раз в год, в основном за границу, но к театрам и музеям он так и не пристратился. Изредка посещает с женой кинотеатры, “если уж очень разрекламированный фильм показывают или если все деловые знакомые о нем говорят”.

Строителем *С* хотел быть с ранней юности, на него значительное влияние оказал брат отца, который имел высшее строительное образование и много рассказывал о

своей профессии. Родители очень хотели, чтобы С получил высшее образование, чтобы *“выбился в люди, стал уважаемым человеком, общался с нужными людьми”*, но на выбор специальности родители не влияли, были уверены, что он сам сделает правильный выбор. С считал, что высшее образование откроет ему путь к материальному благополучию и к интересной, наполненной жизни. Учиться С очень нравилось, он с отличием окончил Пензенский инженерно-строительный институт и стал работать по распределению. Однако в 1992 г. уволился, чтобы открыть собственное дело. С признает, что ему пришлось многому учиться заново, даже переучиваться: получать второе высшее образование – экономическое. Он признает, однако, что первое высшее образование оказалось необходимым, так как развило его способности, *“научило учиться, мыслить системно, без этого мое второе высшее не принесло бы ничего, кроме корочки, а мне не корочка нужна была, а знания для дела”*.

С гордится своим делом, считает его своей главной заслугой. По его мнению, оно гораздо интереснее его прежней профессии, прежде всего потому, что он полностью свободен в принятии решений, не скован чьим-то руководством. Риск и напряженность его занятия также ему импонирует. С считает, что его занятие сделало его обеспеченным человеком и позволило реализовать свои лидерские качества, амбиции. Семью свою он определяет как зажиточную, относит к верхнему слою среднего класса. Среднедушевой доход в его семье – 75 тыс. рублей в месяц, семье принадлежит четырехкомнатная квартира в недавно построенном доме и дом в ближнем пригороде с большим участком, два автомобиля, гараж и дача с садовым участком. Семья оплачивает обучение детей в вузе, частные уроки, медицинские услуги, туристические поездки за границу. Дочь С до сих пор занимается английским языком с индивидуальным педагогом. Единственный источник благосостояния семьи – доходы от предприятия С.

С признал, что они с женой тщательно следили за развитием своих детей, поощряли их дополнительные занятия, развивали их. И сын, и дочь под руководством родителей выбрали профессии, необходимые для семейного бизнеса. Дочь окончила Всероссийский заочный финансово-экономический институт (Пензенский филиал) по специальности “менеджмент организации”, сын учится в Пензенском университете архитектуры и строительства по специальности “экономика и управление транспортным предприятием”. Дочь сразу после школы стала работать на предприятии отца, сын по окончании университета сможет трудоустроиться у постоянного партнера С. Дети С получили образование в иной сфере, чем родители, но они, во-первых, получили специальности, необходимые для оптимизации деятельности отцовской фирмы, во-вторых, пользуются и смогут пользоваться далее социальными связями и поддержкой родителей. С заявляет, что без него дети ничего не добились бы.

Перед нами – образ успешного бизнесмена, своеобразный антипод истории М. Именно М, потому что история N более созвучна с рассказом успешного предпринимателя: оба увлечены профессией, оба накопили для детей определенный культурный капитал, оба считают свою жизнь состоявшейся. Отмечу ключевой для нашего исследования мотив – заинтересованность в *содержании* образования, увлеченность делом и его сознательный выбор как необходимый элемент профессионального и жизненного успеха. Замечу, что и практически бедный N, и весьма обеспеченный С оценивают свою жизнь как состоявшуюся, отмечая прежде всего увлекательность своей профессии, полноту жизни. Показательно, что такая концепция жизненного успеха сказывается у обоих респондентов и при оценке жизненного пути родителей. *“Ему нравилась его профессия”*, – говорит С об отце и оценивает его карьеру как успешную. N отмечает трудолюбие отца, высоко оценивает его влияние на свою собственную судьбу, хотя никаких профессиональных советов от родителей получить не мог, да и все важные решения в жизни после школы принимает самостоятельно. *“Любовь к труду, – вот что мне дали родители, – отмечает он, – и сознание того, что самое ценное в жизни то, чего сам добился. Что важно жить по совести, не потакать никому, поступать свободно и самостоятельно”*.

И *N*, и *C* отметили, что их более высокий по сравнению с родителями социальный статус не стал препятствием в общении с ними. Они считают, что живут во многом по правилам родителей, чувствуют семейную преемственность. Оба отмечают, что больше и тщательней занимаются развитием своих детей, чем их родители, и объясняют это схожими причинами: есть больше возможности заниматься своими детьми, да и время требует сейчас от родителей гораздо большей бдительности. *“Раньше все помогало родителям воспитывать детей: школа, телевидение, даже двор. Сейчас все против родителей, детей иногда отвоевывать надо. Отсюда и внимания нужно больше”* (*N*). *“Сегодня если родители о детях не позаботятся, те пропадут. В наше время можно было выжить. Пропасть бы не дали, если хоть чуть-чуть соображения есть. В обществе сила была, а теперь сила только в семье”* (*C*).

Предыстория врача *K* похожа на предыдущие с небольшими, правда, изменениями, которые, однако, при ближайшем рассмотрении оказываются существенными. Родители отца *K* были крестьянами, довольно зажиточными, грамотными, он относит их к среднему классу. Родители мамы – потомственные горожане, отец был строителем, мать – медицинской сестрой. *K* считает, что по социальному положению они принадлежали к высшему среднему классу, хотя жили небогато, так как имели восьмерых детей.

Отец *K* родился и вырос в Пензе, окончил профессиональное училище по специальности химик-технолог, работал на заводе, работой был доволен, карьера его, по мнению *K*, складывалась хорошо, так как он был работоспособным и пользовался поддержкой начальника. Мать *K* родилась и выросла в Пензе, с детства хотела быть врачом (под влиянием матери), окончила медицинский институт в Саратове, всю жизнь проработала педиатром в поликлинике. Семья *K* ни в чем не нуждалась, благосостояние ее *K* оценивает как выше среднего. В качестве источника благосостояния *K* называет заработные платы отца и матери, а также сеть связей – дружеских и профессиональных. Мировоззрение *K* формировалось под влиянием матери, она привила ей любовь к профессии врача. Родители контролировали ее учебу в школе и вузе, мама помогала ей связями и профессиональными советами. В школе *K* занималась английским и танцами, эти занятия поощрялись родителями, однако во взрослой жизни эти увлечения не сохранились. В семье родителей *K* много читали, несколько раз в год посещали театры, музеи, концерты, кинотеатры. Эти формы проведения досуга сохранились и в собственной семье *K*.

*K* окончила школу в 1985 г. в Пензе и сразу же поступила в Саратовский медицинский институт. Она признает, что профессия врача всегда была для нее привлекательной. Ей хотелось обеспечить семейную преемственность, опираться на профессиональный опыт и связи матери. Во время обучения в вузе родители *K* оплачивали ее содержание, обеспечивали литературой и всем необходимым для учебы, помогали профессиональными советами. Поддержка и советы матери оказались бесценными в течение всей карьеры *K*. Благодаря семейной преемственности, влиянию матери она была гораздо лучше сверстников подготовлена к профессиональному образованию.

*K* очень любит свою профессию (она врач-гинеколог), постоянно повышает квалификацию, занимается самообразованием. Регулярно покупает специальную литературу, выписывает профессиональные журналы. Она вдова, имеет дочь, которая учится в Саратовском медицинском институте на акушера-гинеколога. *K* оплачивает ее обучение. Среднедушевой доход семьи *K* – 12 тыс. рублей в месяц, есть однокомнатная квартира, дача, земельный участок, компьютер, набор бытовой техники. Она относит свою семью к среднему классу и считает, что статус семьи не определяется только доходом: *“Это вообще второстепенное у нас. Если определять в нашей стране статус по доходу, путаница начнется, в одну группу будут попадать люди с совершенно разным образом жизни, убеждениями, да и интересами. Уважение людей, престижность профессии, уровень образования и квалификации – вот что важно”*.

Работа *K*, по ее словам, обеспечивает ей средний доход, полностью соответствует ее интересам, позволяет жить интересно, развивает ее личность. Она отмечает, что

призвание *“не возникает ниоткуда, с рождения. Я с детства слышала разговоры мамы и бабушки о работе, читала в старших классах научно-популярную литературу. Мне легко было выбрать профессию, и учиться легко, так же, как и моей дочке”*. Такое простое определение семейного профессионального капитала. Помимо увлечения профессией, история *К* заставляет нас задуматься еще об одном факторе профессионального успеха: сознательном формировании интереса к делу, подготовке к будущей профессии в семье. Как видно из рассказа *К*, это не только дает определенные преимущества при поступлении в вуз, но и формирует сознательное отношение к выбранной профессии, что способствует более успешному усвоению профессиональных знаний и более эффективной реализации образования.

Сопоставление историй *Н*, *К* и *С* с историей *М* заставляет задуматься и о социальном смысле выражения *“получение образования”*. Следует признать, что хотя бы на интуитивном уровне люди различают процесс получения сертификата о высшем образовании, диплома, *“корочки”* и процесс получения необходимых профессиональных знаний. В последнем понимании получение образования требует внутренней, а не внешней мотивации. Иными словами, ориентация только на блага, связанные с получением высшего образования, может обернуться разочарованием в профессии, профессиональным и даже жизненным фиаско.

Можно отметить сходство структуры культурного капитала семей *Н*, *С* и *К* при существенных, однако, различиях. Схожие элементы: получение образования в осознанно выбранной области, отвечающей потребностям времени и личным склонностям, увлеченность профессией, стремление к непрерывному профессиональному самосовершенствованию. Различие проявляется в социальных механизмах накопления, реализации и воспроизводства культурного капитала семьи. Родители *Н* и *С* имели на них моральное влияние, но никак не готовили их к выбору определенной профессии, не способствовали профессиональному и культурному развитию. *К*, напротив, находилась под влиянием бабушки и мамы, ее сознательно готовили к будущей профессии, развивали и образовывали целенаправленно. Влияние *Н* на его сына носит, в основном, социально-культурный характер, можно говорить о преимущественно социокультурной преемственности в его семье, когда формируется определенное отношение к профессии, делу вообще, а не к конкретной специальности. В совместных занятиях (сын работает в географическом кружке отца, занимается с ним спортивным туризмом) воспитываются определенные свойства личности, складывается определенный тип мировосприятия и мировоззрения, система жизненных ценностей и целей.

История *С* – типичный пример социальной преемственности. Дети наследуют дело, деньги, но прежде всего вписываются в систему профессиональных и социальных связей родителей. Дети выбирают профессию и род занятий под непосредственным влиянием отца, под его руководством учатся и начинают свою карьеру. Ранняя увлеченность профессией, целенаправленная к ней подготовка, культ профессии в семье, стали основными элементами социализации дочери *К* (как, впрочем, и самой *К*). История семьи *К* демонстрирует типичный случай профессиональной преемственности, самый яркий из всех записанных нами историй.

### **Модели преемственности в современной российской семье**

Преемственность в семье, определяющая конкретные механизмы передачи культурного капитала и влияния родителей, тип коммуникаций в семье по поводу образования, культурного развития и будущего детей, сводится (по материалам наших интервью) к трем чистым моделям: социокультурной, социальной и профессиональной, описанных нами на примерах семей *Н*, *С* и *К*. Разумеется, в каждой конкретной семье реализуются как доминирующие, так и второстепенные модели преемственности, которые опосредуют влияние родителей и передачу культурного капитала в семье.

Так, социокультурная преемственность в семье *Н*, несомненно, доминирует, но она опосредуется формированием социальных качеств, положительного отношения к

коммуникативной деятельности, к педагогическому труду, то есть социальной и профессиональной преемственностью. В семье *С* доминирует социальная преемственность, но родители профессионально ориентируют своих детей определенным образом в соответствии с интересами дела, приобщают их к определенному образу жизни, жизненным ценностям. Мотив продолжения дела здесь доминирует над мотивом передачи определенных нравственных принципов, хоть и не исключает его полностью.

В семье *К* царит культ профессии врача, но при этом много внимания уделяется культурному развитию. Врачебная деятельность оценивается не только с точки зрения соответствия способностям и склонностям, социального статуса или вознаграждения, но и сообразно ее социальной значимости, гуманистическому пафосу профессии. Профессиональная преемственность опосредуется социокультурной и социальной.

Однако анализ интервью позволил установить, что при очевидном наличии культурного капитала и механизмов его воспроизводства, механизмов преемственности во всех обследованных семьях, во многих случаях в той или иной степени отмечаются симптомы нарушения коммуникаций, сложности воспроизводства культурного капитала семьи, которые я обозначила общим термином “кризис преемственности”. Вот истории, позволяющие описать на конкретном материале проявления этого кризиса.

Во-первых, это история семьи филолога *Z*. Родители матери *Z* (о семье отца и о нем самом *Z* ничего не знает) были грамотными людьми, строгих правил (бабушка происходила из немцев Поволжья). Мать *Z* в вуз после школы не поступила, окончила техникум, потом заочное отделение политехнического института Пензы. Она усиленно занималась самообразованием и повышением квалификации, закончила университет марксизма-ленинизма, дважды была в Москве на Высших государственных курсах повышения квалификации инженерно-технических и научных работников по вопросам патентоведения и изобретательства, начинала карьеру как инженер-технолог, закончила как специалист по патентоведению и информационной работе. Под конец трудовой карьеры мать *Z* занимала должность заведующей сектором научно-технической информации и патентной работы. В семье *Z* существовали богатые культурные традиции: старались не пропускать интересные премьеры в местном театре, часто ездили в Москву для посещения театров и музеев, всей семьей ходили в лыжные и пешие походы, при любой возможности ездили на отдых в Крым или Прибалтику. Родительская семья *Z* не была зажиточной, ее благосостояние она оценивает как среднее, когда основные потребности удовлетворялись на общепринятом уровне. Основными источниками дохода семьи была заработная плата матери и доходы с приусадебного участка.

*Z* отдает должное работоспособности своей матери и отмечает, что высшее образование полностью изменило ее жизнь, сделало ее интересной и наполненной. Она отмечает, что ее собственное мировоззрение сформировалось под влиянием матери и в системе высшего образования. Мама привила *Z* любовь к театру, балету, опере, классической музыке, чтению. Под давлением семьи *Z* окончила музыкальную школу; сейчас музыкой не занимается, но считает, что музыкальное образование дало ей очень много: она любит и понимает классическую музыку, имеет музыкальный вкус. В настоящее время, однако, театры она почти не посещает, изредка ходит на концерты, в кино, продолжает ходить на лыжах. На вопрос, почему прошло увлечение театром, оперой, балетом, *Z* ответила, что увлечение не прошло, они всей семьей смотрят телеканал “Культура”, покупают иногда диски с любимыми операми и опереттами. Однако посещение театров, так же как и спортивный туризм, и поездки в Крым, Прибалтику для их семьи сейчас – непозволительная роскошь.

*Z* не удалось сразу поступить в вуз, однако после нескольких неудачных попыток, имея два года трудового стажа, она поступила на филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Окончив его, вернулась в Пензу, работала в школе и в библиотеке, потом поступила в аспирантуру, стала кандидатом филологических наук и с тех пор преподает в Пензенском педагогическом университете, готовится к защите докторской диссертации. *Z* признает, что выбор и вуза, и специальности она сделала сама, родители ни на ее учебу, ни на карьеру никак не влияли, хотя и во всем поддерживали.

Иного будущего, кроме продолжения обучения в вузе, родители для нее не видели, считая высшее образование неперемнным условием жизненного успеха. Полученные в университете диплом и профессия, по словам Z, обеспечили ее любимым делом и хорошей работой, повысили ее социальный статус, способствовали должностному росту и позволили обеспечить хороший старт дочери.

Z по-прежнему живет с родителями, до недавнего времени с нею жила и ее дочь, которая окончила школу с золотой медалью и была принята без экзамена по результатам ЕГЭ в Институт русского языка им. А.С. Пушкина в Москве. Семейный интерес к театру, балету и опере дочь Z не разделяет, увлекается ролевыми играми, анимационными фильмами, литературой в стиле “фэнтези”, однако много читает, в том числе и классическую литературу, занимается научной работой в вузе.

Z единственная из всех респондентов не просто затруднилась, а категорически отказалась определить свой социальный статус. По ее словам, среднестатистический доход их семьи (куда она причисляет себя, двадцатилетнюю дочь, и старших родственников – маму и дядю) составляет 8 тыс. рублей в месяц, благосостояние семьи она оценивает как среднее, когда приходится экономить, но основные потребности удовлетворяются на общепринятом для провинции уровне. Основные источники доходов семьи – заработная плата Z, средства ее старших родственников, доходы с приусадебного участка и доходы (небольшие и нерегулярные) от репетиторства. По словам респондента, статус, оцениваемый по уровню образования и квалификации, уважению окружающих, образу жизни и общественной значимости профессии, находится в резком несоответствии с уровнем дохода и экономическим положением. Именно поэтому Z и отказалась его определить даже приблизительно.

Обращает внимание, как тщательно Z описывала жизненный путь своей матери, явно гордясь ее успехами, широтой кругозора, ее образом жизни, который постаралась унаследовать. Низкое вознаграждение за свой труд, низкие пенсии мамы и дяди Z считает несправедливыми, называет “позором страны” и говорит о том, что *“все статусы у нас перемешались, любая оценка будет или неточной, или несправедливой”*.

В семье Z отмечается высокий уровень социокультурной преемственности: во взглядах, вкусах, увлечениях, формах проведения досуга, образе жизни. Z готовила дочь к профессии почти все школьные годы, она признает, что во многом определила ее выбор. По поводу увлечений дочери Z отметила, что они *“диктуются временем, а любовь к чтению, круг интересов в литературе у нее все равно из семьи”*. Она отмечает, что, хотя и занималась дочерью намного усердней и последовательней, чем ее мать с ней самой, она не смогла полностью компенсировать отсутствие финансовых средств. Дочь почти не путешествовала, мало бывала в театрах и музеях, даже учась в Москве, немного может себе позволить в этом отношении, хотя всем необходимым для учебы (в том числе и компьютером) обеспечена. К сожалению, и соответствующая мотивация – любовь к театрам, музеям, путешествиям – у дочери Z не формируется.

Случай Z демонстрирует **кризис культурной преемственности при максимально высокой мотивации к ее сохранению**. Его источник – прежде всего низкий уровень материального благосостояния, который, несмотря на все усилия семьи, формирует нисходящий характер культурной преемственности. Стихийный выход, найденный семьей Z, – трансформация культурной преемственности в профессиональную. На базе увлечения литературой и лингвистическими задачами, которое Z развивала в своей дочери, было принято решение о ее будущей профессии. Z надеется, что среда московского вуза позволит дочери реализовать потенциал, полученный в семье, и так или иначе компенсировать недостаток средств родных.

Историк V, окончил Пензенский государственный педагогический институт, имеет кандидатскую степень, преподает в Пензенском государственном университете. Его отец был директором школы, мать – медицинской сестрой в районном центре Пензенской области. К будущей профессии его приобщил отец, увлекавшийся историей Пензенского края, имевший печатные работы по литературному краеведению. По словам V, он выбирал вуз сознательно: *“Это было настоящее призвание, я запоем*

*читал историческую литературу, обсуждал с отцом исторические события. Мать тоже подключалась, и брат, мы заражали их своим увлечением". После окончания института V недолго проработал в школе, и работа ему не понравилась: "Хотелось заниматься исследовательской деятельностью, а школа для этого не подходит".*

Сын V пошел по стопам отца, хотя историей не слишком увлекался, но воспользовался профессиональными советами и связями отца. Не так давно защитил докторскую диссертацию (в 34 года), имеет должность профессора. V не скрывает, что сын пользовался не столько его профессиональными советами, сколько связями, часто прямой протекцией. При этом он все же гордится успехами сына, отмечает, что тот *"не растерялся, использовал все, что семья могла ему дать, много работал, учился всегда хорошо"*. Однако он сетует, что, хотя и сын, и дочь, которая живет с ними, работают в схожих областях, дискуссий в семье на профессиональные темы почти не бывает: *"У детей своя жизнь, они много работают, какая уж тут чистая наука при двух-трех ставках в разных местах"*.

Перед нами случай инволюции профессиональной преемственности, который интересен тем, что, накапливая профессиональный капитал в виде связей и успешно его используя в заданных институциональных условиях (появление новых гуманитарных дисциплин и диссертационных советов, расширение возможности публикаций и т.д.), семья V, тем не менее, не накапливает и даже теряет культурные и профессиональные традиции. Сам V жалуется, что внук, который учится в шестом классе, ничем не увлечен, *"кроме компьютера, да и то только для игр"*. При высокой эффективности реализации профессионального капитала семьи V можно отметить резкое снижение его качества.

История семьи экономиста S демонстрирует деградацию социальной преемственности. Его родители имели среднее профессиональное, техническое образование, а сама S с детства увлекалась техникой, получала только отличные отметки по математике и физике. Окончив Ленинградский институт точной механики и оптики, работала в одном из Пензенских НИИ, затем в 1990-е гг. в Пензе получила второе высшее – экономическое – образование, с тех пор работает аудитором, достигла высокого профессионального мастерства, хорошо зарабатывает. Сын S окончил экономический факультет Пензенского государственного педагогического университета, учился на платной основе, получил работу в крупной строительной фирме благодаря прямой протекции влиятельных знакомых матери, активно пользуется ее связями. Его должность, по словам S, – целиком ее заслуга: сын не прилагает усилий для того, чтобы совершенствоваться профессионально, во всем пользуется ее поддержкой.

Приведенные нами последние истории наиболее ярко демонстрируют то, что в остальных интервью проявлялось как тенденция. Мы можем констатировать наличие феномена "псевдокультурного" капитала, когда социокультурное, профессиональное, социализирующее свойство взаимодействий между родителями и детьми подменяется формальной поддержкой, "проталкиванием", втягиванием в профессиональную деятельность, обеспечение карьерного продвижения через влияние, власть, связи без соответствующего развития личности ребенка.

Эта ситуация становится возможной и даже неизбежной в такой социально-экономической ситуации, когда экономика не предъявляет высоких интеллектуальных и профессиональных требований к работникам, а сертификат о высшем образовании дает преимущество в трудоустройстве. Редуцирование институциональной основы воспроизводства (особенно реализации) культурного капитала семей приводит к неизбежному искажению мотивационной основы этого воспроизводства и искажениям в системе образования.

Приставка "псевдо", на мой взгляд, уместна здесь именно перед словом *"культурный"*, так как *капиталом*, в определенном смысле слова, такие связи являются. Их использование способствует повышению социально-экономического статуса детей. Но эффект капитала срабатывает в данном случае только для конкретной семьи или индивида, а не для общества в целом, которое при распространении подобных

явлений человеческий капитал теряет. Культурное воспроизводство оказывается суженным, так как у семей не хватает либо средств для поддержания прежнего уровня культурного потребления, либо сил для противостояния современной информационной среде, массовой культуре. Отмечу, что исследования показывают меньшую эффективность реализации культурного капитала поколениями моложе 34 лет по сравнению с поколением 34–55-летних [Ястребов, 2006].

Таким образом, механизм воспроизводства социального капитала семьи представляет собой преемственность между родителями и детьми, реализующуюся в трех основных формах: социокультурной, социальной и профессиональной. Преемственность осуществляется как через непосредственные коммуникации между родителями и детьми (общение, проведение совместного досуга, общие увлечения и т.д.), так и путем использования институциональной основы воспроизводства культурного капитала (через систему образования, учреждения культуры и т.п.).

Процесс воспроизводства культурного капитала семьи нуждается, таким образом, не только в соответствующей мотивации со стороны родителей, контакте между родителями и детьми, но и в институциональном и материальном обеспечении. Недостаток финансовых средств, нарушения в функционировании системы образования и культуры, конфликты межпоколенческих взаимодействий вызывают кризис различных моделей преемственности. Кризис этот, однако, не означает, что для самих семей их культурный капитал обесценивается, напротив, он может способствовать дальнейшему социальному развитию семьи: росту социально-экономического статуса от поколения к поколению. А вот общество теряет в *качестве* человеческого капитала. Для полноценного воспроизводства культурного капитала, способствующего социальному развитию как отдельных семей, так и общества в целом, необходимо сбалансированное развитие институтов образования и культуры и мотивации к их адекватному освоению, которая является составным элементом культурного капитала, аккумулированного внутри семьи.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонова М.В., Богословская О.В., Латов Ю.В. Институциональные трансформации российского образования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 3.
- Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
- Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Труды ЦНСИ. М., 1997. № 5.
- Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2, 3.
- Бурдые П. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М., 2007.
- Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009.
- Очкина А. Концепция изменилась? По следам российских реформаторов от образования // Левая политика. 2007. № 1.
- Очкина А. Россия сегодня: страсти по среднему классу // Альтернативы. 2006. № 4.
- Патнэм Р. Прцветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4.
- Соколова Г.Н. Экономическая социология. Учебник. М.–Минск, 2000.
- Шкаратан О., Иняевский С., Любимова Т. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
- Шкаратан О., Ястребов Г. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3.
- Ястребов Г. Возможности реализации образовательных ресурсов: сравнительный анализ возрастных групп // Мир России. 2006. № 1.